

---

*Сергей Маркелов*

# Воронка

*Рассказ*

## 1

Черная грязь чавкает под черными сапогами. Над головой непривычно чистое небо. Я тащу по заливу тяжелый толстый железный трос, выкладываю его петлей, кидаю на проушину трактора, трактор затягивает петлю, тянет трос, на другом его конце висит отпиленный кусок корабля — трактор дергает, кусок трещит и, кажется, должен упасть с громовым скрежетом, но почему-то падает неожиданно мягко, а звук металла глухо погружается в густую грязь.

— Смотри, чё это там? — крановщик Боря полувывиснулся из окна, показывает на столб дыма метрах в ста от нас.

— «Смоленск» горит, — отвечаю я.

Мы молча наблюдаем за черным дымом, который валит из соседнего корабля. Похоже, горит солярка. Дым, плотный у основания, рассеивается, истончается и становится прозрачным в небе над Кольским заливом, где, непривычно даже для конца июля, висит желто-оранжевой кляксой солнце. Лето в Мурманске очень короткое, я это знаю, я это помню, я где-то здесь родился.

— Ладно, потащили, — говорит Боря.

Он возвращается в кабину, трактор срывается с места, словно его толкнули в спину. Позади на тросе волочится кусок корабля. Я иду следом, уворачиваюсь от танцующего в воздухе натянутого троса, показываю Боре жестами, куда ехать, — чтобы не потерять кусок, чтобы трос снова не порвался, чтобы мне не пришлось снова тянуть его по заливу, утопая по щиколотку в глине, чтобы оторванным концом троса мне не дай бог не отсекло башку. Трактор идет рывками, кусок слишком большой для него, хорошо бы подтолкнуть сзади БАТМом, но это надо идти за другим водителем, терять время, заводить БАТМ, а рабочий день на исходе и куда интереснее узнать, что же случилось на «Смоленске», — поэтому тащим медленно, аккуратно, легкими рывками — грязные, уставшие, потные, вонючие пробираемся к площадке. Туда же от «Смоленска» тащатся двое — Лёха и Саня-блондин. Лёха хромает, потому как хромой. Саня почему-то хромает тоже.

— Боня, хрен мутный, опять на помойке жрал?! — кричит Блондин на рыжего мелкого пса, который вьется у его ног, виляет хвостом. — Отвали!

---

*Сергей Маркелов* — журналист. Родился в Мурманске, окончил филфак Петрозаводского государственного университета. Участник форумов молодых писателей 2013 и 2014 годов. Живет в Карелии.

Блондин, как всегда, широко улыбается, но в этот раз он какой-то ошарашенный, почему-то весь белый с головы до ног, привычно белыми бывают только его волосы. Он в своих вечных джинсах и джинсовке, кирзовый сапог на правой ноге распорот, словно полоснули ножом.

— Саня, ты чё? — спрашиваю я.

— У него спроси, — кивает Блондин на Хромого.

— Я при чем? — отвечает Хромой.

На нем прорезиненный мешковатый плащ, защитные очки криво сидят на башке, взгляд, как всегда, глуповатый.

— Это ж надо, — говорит Блондин, делает шаг, щурится от боли, хватается за промежность. — С-сука, по яйцам зарядило.

— Кто ж знал, кто ж знал? — лопочет Хромой.

— «Кто знал, кто знал», — передразнивает Блондин. — Блин, яйца болят.

— Чё весь белый-то? — спрашиваю я.

Блондин оглядывает себя, пытается отряхнуться, ему больно, он и сам удивляется, что весь белый.

— Правда, белый, — удивляется он. — Огнетушитель... вон, сапог разрезал, хорошо, нога целая, и по яйцам шлангом, потому что... Солярка, это, загорелась... этот придурок за ведро... Я ему: «Куда?!» — а он херак ее... воду. На солярку. Она горит ведь. И полыхнуло. Я за огнетушитель. Он как рванет в руках... Больно, и руки отбило, что ли. Надо больничный брать, дадут хоть больничный-то? Нахера водой-то солярку, если горит?

— Нельзя солярку водой, если горит, — спокойно замечает Боря. — Надо, в общем, помпу заряжать — бросай, Серёга, скажи Владимиру Сергеичу, чтобы это, а то сгорит весь к чертям.

Боря показывает взглядом на полураспиленный корабль, из которого валит дым. Снимает черную перчатку. Достает сигарету. Закуривает.

— Ладно, хорошо не сгорели, — говорю я. — Пойду...

Блондин все так же ошарашенно смотрит по сторонам, словно он и залив этот, и небо, и меня, и Борю, и Хромого, и пса Боню только что увидел, только что осознал, что мы есть, что он есть, что они только что чуть не сгорели на корабле.

— Полыхает-то как, — замечает он. — Больничный-то должны дать...

Полураспиленный корабль «Смоленск» похож на буханку хлеба, у которой выгрызли середину. Как раз оттуда валит черный дым, полыхает огонь, где-то наверху в клубах дыма кружит толстый баклан.

Мне двадцать два года, полтора месяца назад я кое-как закрыл сессию в универе, в который раз поскандалил со своей подругой и сбежал в Мурманск, где работаю такелажником на заливе, прохожу практику в журнале «Мурманская миля», пытаюсь замутить с официанткой из пивнушки на Скальной, а в перерывах и перекурах забираюсь в еще не распиленную каюту и читаю сборник отечественной фантастики, найденный среди книг из разоренной корабельной библиотеки.

— Ладно, пойду... — повторяю я и бегу сказать мужикам, чтобы заряжали помпу.

\* \* \*

Утром сложнее всего было засунуть руки в колючие рукава.

Я вскрывал стены в каюте, снял слой ДСП или ДВП — попробуй вспомни уже, как называется этот кусок обшивки, под которым слой стекловаты. Мужики сказали, чтобы я не парился:

— Серёга, не парься, это минвата — она не колется! — так и сказали.

Было жарко, я разделся до футболки. Вытаскивал мягкие желтоватые куски, потел под мурманским солнцем и от мурманской влажности, наслаждался теплом и красотой залива, тем, как минвата блестит на солнце. Удивлялся гениальности тех, кто

придумал минвату. Руки начали дико чесаться к вечеру. Куртка колололась месяц, пока я не плюнул и не купил новую...

Вечером самое сложное было подняться на сопку. Потому что устал, потому что конец рабочего дня, потому что триста шестьдесят пять или больше ступенек, потому что в Мурманске высокая влажность, потому что весь мокрый и куртка неприятно колет руки, потому что где-то на середине магазин, крановщик Боря уже покупает водку «Пять озёр», до конца лестницы я так и не дохожу.

В субботу утром мужики отпаивают меня пивом. К обеду прихожу в себя. Залезаю в кузов, помогаю грузить мусор — надо мной болтается здоровенная сетка с металлоломом. Крановщик Боря с похмелья дергает рычаг, стрела крана прыгает в сторону, сетка с мусором несется на меня. Инстинктивно падаю на корточки, что-то огромное громко бьет по краю кузова у меня над башкой. Встаю, кручу пальцем у виска, крановщик Боря улыбается, разводит руками, мол, извини. В который раз я представляю, что моя башка, как раздавленная вишня, стекает по борту кузова. Это легко представить, особенно когда над тобой болтается огромная магнитная шайба с тяжелыми кислородными баллонами.

— Серёга, — кричит из кабины Боря, — все, забей, пошли обедать!

Отряхиваюсь, иду обедать. День у меня нормирован. Рацион сбалансирован. Я не разрешаю себе есть из разных тарелок, чтобы потом не мыть гору посуды. Покупаю котлеты «Поморские», съедаю не больше одной за раз. На работу обязательно беру вареное яйцо — в перерыве только на нем можно продержаться от завтрака до обеда. По выходным стираю черные носки в танцующей по ванной комнате стиральной машинке «Вятка-автомат». Один пакет чая, пара ложек кофе, ложка сахара, бутылка лимонада, куриные кости псу Тимохе. В субботу вечером все идет по пизде.

С другом детства Женей пьем пиво у меня дома, едим из всех тарелок, едим все, что есть в холодильнике, потом едем в пивнушку на Скальной, я выношу мозг безответной официантке, уезжаем без нее в ночной клуб, в ночной клуб нас не пускают — ругаюсь с охранниками, иду нахер, еду домой в гордом и усталом одиночестве.

В воскресенье прихожу в себя.

В понедельник выхожу на улицу. Привыкаю к серой сырости утра. Покупаю сигареты. Сажусь в автобус номер восемнадцать. Доезжаю до конечной. Спускаюсь по длинной лестнице к заливу. Наслаждаюсь видом залива, ржавыми кораблями, черной грязью, горами железа, рыже-зелеными сопками на Абрам-мысе. Прохожу мимо лающих собак. Здоровуюсь с псом Тимохой. Захожу в бытовку — длинный зеленый вагончик, — жму сухие, мокрые, мягкие, мозолистые, большие и твердые мужицкие ладони. Надеваю пропитанную соляжкой, жирную, тяжелую и вонючую одежду, мажу мазью разбитую кирзовыми сапогами ногу, сую в карман респиратор, сажусь за стол, наливаю кипяток, сыплю две ложки кофе и ложку сахара, кидаю в рот одну печеньку.

— Чё-то руки стали трястись постоянно, — говорю мужикам, глядя, как в руках танцует чашка. — И шум моря по ночам в ушах.

— Это нормально, — замечает у окна Блондин, стряхивает в окно пепел с сигареты.

— Говорят, если это, часто работать с этими, болгарками, отбойниками... — водитель Вова подбирает слова, хлюпает растворимым кофе.

— С виброинструментом, Вова, — улыбается Блондин. — Это называется «виброинструмент».

— Да, ну вот, если этим самым часто работать, мясо от костей начинает отслаиваться.

— Обалдеть теперь, — смеется Блондин. — Э-эх, что делать, пойдём, что ли, этим самым работать?

Мужики торопливо дохлюпывают свой чай. Ставят чашки на стол. Тушат сигареты. Выходят на улицу. Снова закуривают.

— Боня, хер мутный! Опять на помойке жрал? — как всегда, кричит Блондин, треплет мелко рыжего пса.

Мужики медленно, неторопливо, неспешно надевают маски и перчатки, тянут за лямки газорезки, я беру здоровенную оранжевую болгарку, кидаю на плечо, вереницей мы топаем пилить-резать-ломать. По дороге курим, потом курим на корабле, пока Блондин снова не крикнет: «Э-эх», — не треснет коленями и не скажет: «Хорош болтать, пошли работать». Разбредаемся кто куда, теряемся в каютах, в трюмах, в рубках.

— Подмайнай, Олег! — доносится с причала, где по вечерам крановщик Боря ловит на удочку селедку.

У причала спокойно себе пасется корабль «Смоленск». Жить ему осталось не больше полугода.

— Ты знаешь, что на этом корабле твой дед ходил в море? — спрашивает дядька.

— Да ну?!

— Ага. С котом в море, с Васькой, сети тянут... Фотография есть. На «Смоленске» они, то есть, тянут.

Самое сложное было подняться по лестнице после тяжелого рабочего дня. Сесть в автобус номер восемнадцать. Доехать до дома. Зайти в пустую квартиру. Трясушимися руками накормить себя едой. Деть себя куда-то до вечера. Деть куда-то ночью свое одиночество. Свыкнуться с гулом в ушах. Дожить до субботы. Утром самое сложное — сунуть руки в колючие рукава.

\* \* \*

Субботние дни были самыми кайфовыми — много свободного времени, я мог взять книгу, забраться в каюту и читать, наблюдая краем глаза за перемещениями солнечных лучей по полураздолбанной стене, слышать крики на причале:

— Подмайнай, Олег!

На мне грязная и пыльная одежда: красно-синяя толстовка, рваные болоньевые штаны и кирзовые сапоги, в которых я разбил себе ногу, нога опухла, я каждый день мазал ее чем-то и на всякий случай готовился к ампутации.

В каюте я укладывался на пружинистую койку без матраса, стягивал дубовые рукавицы, грязные перчатки, слюнявил сухой грязный палец, листал страницы книги, взятой из бывшей библиотеки. Собственно, все там было разрушено — корабль доживал последние месяцы. В какой-то из этих кают, должно быть, в отрыве от земли, месяцами мастурбировал мой дед, который ходил в море на «Смоленске» после того, как его вышвырнули из военного флота, — корабль этот дед переживет года на полтора, фотографию «Смоленска» я нанесу на надгробие — я эту историю уже раз двести рассказывал...

Иной раз я доставал телефон, звонил официантке из пивнушки на Скальной. Я таки взял у нее номер телефона, но она день за днем делала мне мозг — видимо, в какой-то момент я не оставил ей выбора, потом ей показалось, что мне можно было бы и дать, но мой социальный статус и постоянная нетрезвость заставляли ее придумывать занятость, придумывать детей, да кто их знает, эти официантки такие непостоянные, может, они даже и были, дети эти, все равно я ту блондинку с выразительными глазами и выразительной жопой готов был принять и с детдомом впридачу, поэтому упрявился, но она находила и находила какие-то там свои мотивы, но периодически начинала проседать под напором — может, подаренный букет вонючих лилий сыграл какую-то роль, не знаю.

Со «Смоленска» меня перевели на другой корабль, не помню, как он назывался, — главное, что мы по-быстрому отчекрыжили корму и отворили портал на залив. На самом деле это была железная дверь в кладовую, и после того, как кладовую отрезали вместе с кормой, это место стало похоже на последний тамбур последнего вагона в поезде — по субботам в одиночестве я долбил ломом плитку, а в перерывах садился в проеме, свешивал ноги над заливом, закуривал сигарету, смотрел на Абрамыс, на парящих в небе бакланов, на проплывающий мимо нефтянок с буксиром, слушал тишину ветра и шум воды. В обед я снимал с себя вонючую грязную одежду, кое-как смывал с рук солярку и пыль с лица, надевал нормальные шмотки и шел брать интервью, например, у министра соцразвития Мурманской области (уже и не вспомню, как звали ту бабку), — я проходил практику в журнале, который не прочь был опубликовать интервью за деньги, я этого не знал, хотя, может, и догадывался, но меня это мало волновало — мне надо было отбыть практику и трава не расти.

После интервью я возвращался на работу, надевал грязную одежду, шел разрушать корабль. Официантка, зараза, не брала трубку. Субботним вечером мы приперлись в пивнушку с друзьями, и я, изрядно подпив, поскандалил с ней — кажется, после этого наутро я притащил ей цветы и, наконец, отстал от нее к чертям, смирившись с недоступностью ее жопы.

В какой-то из дней после этого мы вскрывали холодильный отсек. Закрытое помещение, в руках у меня болгарка, я наглухо забронирован одеждой защитного цвета, на лице респиратор — под слоем алюминия был слой досок, который надо было вскрывать болгаркой, дышалось тяжело, а по-правде — и нечем из-за опилок. Я вскрывал стену, обливаясь потом, когда Серёга разрезал холодильную трубу, в которой остался аммиак, пнул меня и крикнул:

— Наверх! Быстро!

Я почувствовал душливый запах, бросил болгарку и понял, что нам конец. Рванул к лестнице. За мной вскарабкался Серёга-газорезчик в своем крутом респираторе, из-за которого он был похож на Гайку из «Чип и Дейла». У меня был обычный тряпичный, и на середине подъема я понял, что не могу дышать. Но раз уж я это пишу, понятно, что я добрался до люка; Серёга вытолкнул меня снизу на палубу, следом выполз сам и тоже упал рядом на ржавый пол, чуть нагретый дневным солнцем. Так мы и лежали среди искореженных корабельных перекрытий и поручней, переводя дыхание, вдыхая прохладный воздух с залива, слушая вопли вечно голодных чаек.

— Все, надо ждать, около часа, — спокойно заметил Серёга.

— Угу, — ответил я, — выветрится когда... Курим.

Что я мог сказать? На этом корабле я в маленькой кладовке тушил огонь, пока Серёга отрезал корму, долбил палубу отбойником, тушил ногами горящую солярку, кидал с палубы палку псу Тимохе, который нырял за ней в залив, грузил тяжелые кислородные баллоны, — короче, я сроднился с этим кораблем настолько, что чуть на нем не сдох, но в итоге разобрал его до киля и винта, хоть он и сопротивлялся, и даже винт разобрал.

Вечером в тот же день официантка позвонила мне зачем-то (это была пятница, может, поэтому все так и вышло через жопу, вот если бы была суббота), позвонила сама, согласилась куда-нибудь со мной пойти. Тем же вечером я напился с крановщиком-Борей и, придурок такой, забыл про ее выразительную жопу. Признаться, основную роль в этой выразительности играла короткая юбка, которую или которые, видимо, выдавали официанткам в этой пивнушке, короче, слава богу, что до кофе и прочей херни не дошло, а то я бы еще и остался в Мурманске из-за выразительной жопы, что, возможно, было бы и не худшим вариантом развития событий на какое-то время, кто знает.

Вскоре меня перекинули обратно на «Смоленск», где все еще валялись книги из библиотеки, и я, наконец, смог снова спокойно читать в не разрушенных пока до конца каютах. Телефон мой молчал.

## 2

Воздух был пропитан солью и холодом. Солью и холодом. За бортом шипели волны. Шипели волны. Мягко прыгал по волнам тяжелый траулер, чьи трюмы были полны рыбой, чьи каюты были заполнены запахом рыбы и моряками, пропахшими рыбой. В густом тумане скользили мелкие капли, которые пропитывали одежду и сыростью оседали под носом. Над кораблем зависли чайки, о чем-то скандалили и строго косили глазом, как сварливые тетки. Он курил на палубе «Астру» и вглядывался сквозь туман в очертания знакомого берега.

Он возвращался домой. Его никто не встречал. Как всегда. В ногах лениво околачивался кот. Холодный берег, покрытый металлом кораблей, белым снегом и мелкими северными деревьями, вырисовывался в тумане. Я, честно, не знаю, что там кричали друг другу матросы, когда корабль подходил к берегу, какие команды отдавал капитан, — я никогда не ходил в море. Знаю лишь, что ему было зябко в утренней сырости. Зябкий и холодный Мурманск встречал его берегом и высохшим шпилем вокзала с красной звездой на вершине. Встречал его вдалеке здоровенный бетонный Алёша. От Алёши спускались по сопке деревянные халупы, в одной из которых ютилась его семья: жена, двое детей, пес Мишка и какой-то еще кот.

Семья его была бедной, дочь ходила зимой в школу в осеннем пальто и ботинках, сын донашивал колготки за сестрой, мама утром грела детям колготки на печке, — он это знал, вспоминал об этом, как о саднящей десне, пока не...

— Ваня, ну чё?!

Он обернулся. Невысокий, кучерявый, на левом запястье из-под закатанной манжеты острием торчит татуировка в виде компаса, на правом кулаке выбиты буквы: ВАНЯ. Внук потом спросит у него: «Зачем?» Он ответит: «По-глупости».

— Чего?

— Ты куда после рейса? Домой?

— А что?

Зашевелилось внутри сомнение. Вроде бы домой собирался, как всегда, к жене и детям, но так ли они нужны, так ли хочется туда, к безденежью и деревянным стенам, в которых давно уже нет любви? Прислонился спиной к холодной перекладине, уперся ступнями в палубу, сросся с этим железным кораблем, к горлу предательски подступил заранее известный вкус холодной водки, язык сладко напомнил о селедке с картохой и луком, в голове заиграла музыка.

— В «Десятку» пойдём? Или в «Берёзку?» — спросил он, уже решившись.

— Давай в «Десятку», чего экономить? Денег куча, девать некуда. Чё, ты опять своей понесешь? Все равно ворчать будет, сколько бы ни принес, а так хоть отдохнем с рейса, успеешь еще послушаться детских воплей, ха-ха, — ответил напарник, который планировал отдохнуть за Ванин счет.

— И то верно. Надо Ваську только куда-то деть.

— Да в каюте оставь, потом заберешь. Куда он денется?

Кот Васька никак не отреагировал. Он смотрел тоже куда-то вдаль, представлял, как плещется рыба в заливе, хотел есть и собирался весь вечер спать, в общем-то, неважно где.

\* \* \*

Домой возвращался ночью. На Большой ручьёвой, где в те годы стояли деревянные халупы, было темно. Его шатало, как полжизни шатало в подводной лодке, где он служил боцманом; но по пьяни пальнул в воздух, разбил о дверной проем сухожилие большого пальца и выпил казенный спирт, — правда, все это в обратном порядке, хотя исхода это не меняет, потому что за это с военного флота его выперли, перевели в



траловый, и уже на корабле «Смоленск» ходил он в море, ловил бесчисленную в соленой воде рыбу. Внуку он будет рассказывать байки, как спасался с утонувшей подлодки, после чего его и комиссовали, — все это, конечно, будет неправдой.

Он шел. Его шатало. Тяжелые ботинки чавкали жижей в грязном бездорожном снегу. На вершине сопки гордо возвышался бетонной сырой глыбой Алёша. В голове крутилось бесконечной пластинкой: «Тёмная ночь, только пули свистят...» — эта песня всегда крутилась у него в голове с тех пор, когда ребенком его спрятали в сарае под стогом сена и он то ли наблюдал, то ли слышал оттуда, как немцы решат его родных. Со временем точность этих воспоминаний стерлась, но это чувство страха он помнил, и военные песни всю жизнь сами собой звучали в голове. Так было и в молодости, когда он работал проводником, прыгивал с поезда где-то на сортировочной станции в С-й области, освещая себе путь желтой керосиновой лампой, шел по бездорожью домой, лишь изредка вспоминая пропавшего без вести отца, и теперь, когда он брел по темной Большой ручьевой улице, грудным басом напевая все ту же «Тёмную ночь».

В небе не было ни луны, ни звезд — в облачном Мурманске чистое небо большая редкость. От выпитого захотелось в туалет. До дома еще далеко, хотя и не то чтобы очень, просто, когда нетрезвый, позывы собственного тела кажутся сиюсекундными. Было холодно. От холода захотелось еще сильнее. Взгляд уперся в деревянный туалет. Ноги понесли туда сами. Открыл скрипучую, покосившуюся дверь. Зашел. Скрипнули доски. Он покачался на ступнях. Доски хрустнули. Ваня провалился. Даже понять ничего не успел. Так бы и утонул бесславно, но на шум и на счастье Вани залаяли и прибежали собаки, соседи включили свет, кое-как, вздыхая и матерясь, вытащили из дерьма, чтобы Ваня еще долго и бесславно пожил. Сердобольно-недовольные соседи отвели домой. Жена Вани в который раз его обматерила, одежду пришлось выкинуть, а хлипкие советские рубли, остатки которых Ваня донес-таки до дома, она аккуратно отстирывала от дерьма полночи, а другие полночи сушила, а утром привычно грела детям на печке колготки и неделю не разговаривала с мужем.

Ваня тогда же вечером несвязно поворчал немного и тут же мертвецки уснул. Детям даже не пришлось прятаться от воплей отца в сарае. Ненадолго из-за облака выглянул огрызок луны, осветлил комнату, осветлил лицо женщины у окна, осветлил бездорожье, по которому Ваня шел всю жизнь. Он так и говорил потом внуку: «Пойду по бездорожью, — затягивал бесконечное: "Э-эх, доро-о-оги, пы-ыль да ту-уман..."» — уходил куда-то в большущей шапке-ипполитке и тяжелом тулупе, а под ночь возвращался ругаться с бабкой.